

Цзао Цинь с любопытством приподнялся на цыпочках, силясь разглядеть происходящее поверх голов. Ему удалось лишь мельком заметить двух рослых мужчин в чёрном, как толпа снова сомкнулась, заслонив обзор. Парень разочарованно вздохнул.

К тому моменту, когда до него наконец донеслись слухи о незваных гостях, он уже стоял в общей очереди.

— Говорят, они приехали ловить вампиров. Ну наконец-то!

Эти слова, отчётливо прозвучавшие в нестройном гуле студенческих голосов, заставили Цзао Циня вздрогнуть.

Внутри у него всё похолодело. Он оцепенел, лицо мгновенно утратило краску. Поддавшись панике, парень попытался, надеясь незаметно выскользнуть из очереди, но сразу же наткнулся спиной на чью-то крепкую грудь. Растерянно обернувшись, он встретил спокойный взгляд Сун Чэна и вспомнил, что они пришли вместе.

Сильные ладони мягко, но уверенно легли ему на плечи.

— Они проверяют всех подряд, сверяясь со списками, — негромко, прямо над ухом произнёс Сун Чэн. Голос его звучал на удивление спокойно. — Если сейчас сбежишь, то лишь подтвердишь их подозрения.

— Но что же мне делать? — прошептал Цзао Цинь дрожащим голосом.

В такой патовой ситуации разумные доводы Сун Чэна подействовали на него успокаивающе. Парень почувствовал, как против воли цепляется за эту уверенность, ища спасения у своего спутника.

— Тебе придётся пройти проверку вместе со всеми. Только так можно отвести подозрения, — без малейшего колебания ответил Сун Чэн.

Цзао Цинь испуганно затряс головой, едва слышно выдавив:

— Нет, нет, я не смогу...

Он ведь ни за что не пройдёт этот тест.

Очередь двигалась быстро, и вскоре перед Цзао Цинем образовалось свободное пространство. Соседний ряд ушёл далеко вперёд, благодаря чему парню наконец открылся вид на то, что происходило на КПП.

Там, в окружении нескольких активистов из студенческого совета, стояли двое мужчин в форме.

В руках они держали массивные двустволки, дула которых тускло поблескивали серебряным напылением. Оружие поочерёдно прикладывали к обнажённой коже студентов, проверяя, не вызовет ли благородный металл специфическую реакцию.

Цзао Цинь не помнил, чтобы когда-либо прикасался к серебру, но древний инстинкт, заложенный на уровне генетической памяти, кричал об опасности. Он знал наверняка: приближаться к этому оружию смертельно опасно.

Ему и так хватало проблем — из-за плохой успеваемости его жизнь висела на волоске, но теперь всё стало гораздо хуже. Кажется, никому даже не придётся его убивать: конец настигнет его прямо здесь и сейчас.

Он поднял на Сун Чэна умоляющий взгляд. Глаза парня блеснули от подступающих слёз. Дрожащими руками он потянулся к шее, пытаясь расстегнуть замок:

— Забери... Я должен вернуть тебе ожерелье.

Вид обречённого на казнь юноши вызвал у Сун Чэна щемящую нежность наполовину с лёгкой усмешкой. Перехватив тонкие, хрупкие запястья Цзао Циня, он бережно сжал их в своих ладонях:

— Не веришь, что я смогу тебя защитить?

Цзао Цинь замер, растерянно моргнув.

— Пока я рядом, тебе нечего бояться. Веди себя как обычно, — тихо, но твёрдо произнёс Сун Чэн.

И всё же паника не отпускала Цзао Циня. Мысли путались, мешая ухватиться за странности в поведении Сун Чэна, которые в любой другой ситуации сразу бросились бы в глаза.

Время — странная штука. Стоит захотеть, чтобы оно замедлило свой ход, как минуты начинают лететь с бешеной скоростью. А когда умоляешь его поторопиться, оно лениво ползёт, точно сонная гусеница.

Цзао Цинь и сам не понимал, чего хочет больше — оттянуть неизбежное или покончить с этим кошмаром поскорее. Но так или иначе, подошла его очередь.

Перед ним вырос рослый, смуглокожий мужчина. Его предплечье казалось вдвое шире

запястья Цзао Циня, а по тыльной стороне ладони, бугрясь под кожей, пролегли толстые вздувшиеся вены. Он выглядел по-настоящему устрашающе.

Словно перед парнем материализовался огромный бурый медведь.

Сам же Цзао Цинь на его фоне казался хрупким белым кроликом — изящным, бледным и совершенно беззащитным.

На кончике носа выступили мелкие капельки пота. Цзао Цинь судорожно сжал побелевшие пальцы и попытался выдавить из себя подобие вежливой улыбки, из последних сил борясь с дрожью.

Под пристальными взглядами собравшихся началась проверка.

Ледяной посеребрённый ствол скользнул по его одежде. Охотник ленивым движением приподнял полу школьного пиджака, обнажая тонкую ткань белой рубашки, и прижал холодный металл прямо к груди парня.

Кожу обожгло слабой, но отчётливой болью. Всё его существо сосредоточилось на этой точке соприкосновения. Цзао Цинь инстинктивно попытался отшатнуться, но тяжёлый ствол упёрся в него сильнее, не позволяя сдвинуться с места.

Охотник медленно поддел край рубашки, собираясь прикоснуться серебром непосредственно к нежной, чувствительной шее.

«Ну всё, мне конец. Чёртов Сун Чэн!»

Цзао Цинь зажмурился. Грудь его ходила ходуном от частого дыхания, ресницы повлажнили от подступивших слёз, но он сдержался, не позволяя им скатиться по щекам.

И вдруг над самым его ухом раздался негромкий, обречённый вздох.

— Ну же, Циньцин, не сердись на меня, — раздался сзади вкрадчивый, мягкий голос Сун Чэна. Эти слова прозвучали для него как спасительный круг.

Крепкая ладонь легла парню на спину, аккуратно одёрнула задравшийся пиджак и мягко подтолкнула его вперёд, уводя подальше от смертоносного серебра.

Цзао Цинь вздрогнул и распахнул глаза. Он оглянулся на Сун Чэна. Лопатки и поясницу неприятно холодило — рубашка насквозь пропиталась холодным потом.

— Я не хотел тебя обидеть, честно. Больше так не буду, — Сун Чэн протянул руку и нежно смахнул слезинку со слегка покрасневшего уголка его глаза.

Искажённое ужасом лицо Цзао Циня и его крупная дрожь выглядели слишком подозрительно — без внешне правдоподобного объяснения они мгновенно выдали бы его с головой.

К тому же Сун Чэн не без оснований полагал, что если серебро действительно коснётся кожи парня, тот попросту разрыдается прямо на месте.

— Сун Чэн? — раздался низкий, рокочущий голос, идеально подходивший суровому облику охотника. Мужчина удивлённо приподнял бровь: — Твой одноклассник?

Сун Чэн на мгновение запнулся, но тут же возразил:

— Мой парень.

Сун Минь на пару секунд задержал взгляд на Цзао Цине. С его ракурса был виден лишь нежный, бледно-розовый профиль юноши. Тот вовсе не выглядел рассерженным — скорее, глубоко уязвлённым и обиженным.

Интересно, что же этот паршивец успел натворить, раз так сильно довёл бедного мальчишку?

Охотник отвёл взгляд и сухо бросил младшему брату, отношения с которым у него всегда были натянутыми:

— Будет время — загляни домой.

— Хорошо, брат, — равнодушно отозвался Сун Чэн. Он крепче сжал ладонь своего перепуганного «возлюбленного» и увёл его вниз по лестнице.

Студентов в очереди почти не осталось, и все они вели себя совершенно спокойно. Сун Минь методично продолжил осмотр с прежним бесстрастным выражением лица.

Его напарник, с которым они были в дружеских отношениях, лениво скользнул стволom по тыльной стороне ладони очередного парня и негромко спросил:

— Это твой родной брат, что ли?

Сун Минь не отличался разговорчивостью, но на прямые вопросы обычно отвечал прямо:

— Да. Не отвлекайся.

— М-да... В твоём репертуаре, — хмыкнул напарник.

Сун Минь славился в отряде своей прямолинейностью и покладистым нравом — крепкий, темнокожий работяга, настоящий добряк.

Поговаривали, что его семья весьма обеспечена, но сам он всю молодость провёл на изнурительных тренировках, а после выпуска с головой ушёл в службу, так и не успев завести личную жизнь.

Будь у него действительно куры денег не клевали, стал бы он пахать на такой неблагодарной работе?

Лишь когда они спустились в просторный холл первого этажа и фигура старшего брата скрылась из виду, Цзао Цинь наконец позволил себе расслабиться. Плечи его опустились, он шумно выдохнул сквозь полуоткрытые губы. Голова всё ещё слегка кружилась от пережитого стресса.

«Боже, я выжил! Выжил!»

Прислонившись к массивной колонне, он запрокинул голову и прикрыл глаза, пытаясь перевести дух.

— У тебя, оказывается, есть брат! Да ещё и полицейский! — потрясённо прошептал Цзао Цинь. Прежде он пытался разузнать хоть что-то о Сун Чэне, но о существовании этого родственника слышал впервые.

— Он не полицейский. Он охотник на вампиров, — обыденным тоном поправил его Сун Чэн.

На лице Цзао Циня отразилось полнейшее недоумение. Он уставился на него широко раскрытыми глазами, не в силах вымолвить ни слова:

— А... э-э... разве в наше время... они ещё существуют?

Голос его упал до едва различимого шёпота, хотя он отчаянно пытался казаться невозмутимым.

В его представлении подобные охотники были пережитком дремучего прошлого, давно канувшим в лету.

— Не бойся, — успокоил его Сун Чэн. — Он ведь ничего не заметил.

Цзао Цинь поспешно закивал:

— И то верно. Не такие уж они и всевидящие!

Но едва фраза сорвалась с его губ, он осёкся. Шестерёнки в голове парня со скрипом завертелись, и до него наконец дошёл смысл сказанного. Он медленно поднял взгляд на Сун Чэна.

Паника улеглась, и слова, пропущенные мимо ушей в коридоре, отчётливо всплыли в памяти.

Сун Чэн даже не спросил, почему он так панически боится этой проверки. Он просто пообещал, что всё будет хорошо, и защитил его.

— Ты чего так на меня смотришь? — Сун Чэн протянул руку, намереваясь ласково коснуться его щеки тыльной стороной ладони, но юноша резко отшатнулся.

Догадка поразила Цзао Циня: он раскрыт. Но как? Ведь он был абсолютно уверен, что хранит свою тайну безупречно!

— Как ты узнал, что я...

— Сначала я и сам не догадывался, — Сун Чэн заговорил непривычно мягко. Он не собирался отпираться — скрывать правду больше не имело смысла.

Однако при воспоминании о недавних событиях его взгляд на мгновение вильнул в сторону, избегая зрительного контакта:

— Но прошедшей ночью...

Да, всё случилось прошлой ночью.

Сун Чэн случайно порезал запястье. Рана глубоко кровоточила, но ему было не до того — он слишком сильно тревожился за Цзао Циня и поспешил к нему в комнату.

В крошечной тьме он опустился на край постели. Не успел он издать и звука, как мягкие, тёплые руки обвились его шею, настойчиво увлекая вниз.

От неожиданности его тело словно окоченело. Кожа на шее горела от чужого прикосновения. Никто и никогда не обходился с ним столь нежно и смело. Он растерялся, не зная, как реагировать и стоит ли ответить на эти объятия.

Юноша в его объятиях тихонько, жалобно хныкал. Сун Чэн решил, что тот до смерти напуган преследованиями того жуткого типа и просто ищет у него защиты и тепла.

Образ незнакомца, который грубо тискал и буквально терзал губы Цзао Циня, всё ещё стоял у него перед глазами. Бедный мальчик наверняка пережил сущий кошмар.

Он неуклюже гладил пушистые волосы юноши, пытаясь подобрать слова утешения. Сун Чэн никогда не умел красиво говорить, у него не было подвешенного языка, как у Цинь Цзышуая. Всё, на что его хватило в этот момент — хрипло шептать из раза в раз:

— Всё хорошо... Тише, не бойся.

Если бы его так глупо не отвлекли, этого надругательства никогда бы не случилось. Сун Чэн до сих пор винил себя за оплошность.

Он продолжал баюкать его в темноте:

— Чш-ш, не бойся...

Однако его ласка, кажется, не приносила облегчения. Всклипы Цзао Циня сделались совсем другими. Это были не слёзы страха — скорее, тихие жалобные стоны истомлённого жаждой существа. В прерывистом дыхании парня сквозь тихий плач отчётливо слышалось хриплое, тягучее:

— Хочу...

Только тогда Сун Чэн заподозрил неладное.

Парень словно лихорадочно что-то искал, слепо тычась лицом ему в шею.

Вдруг кожи коснулось влажное, горячее дыхание. Сун Чэн судорожно вздохнул и оцепенел: Цзао Цинь слегка прикусил его шею. Укус был совсем несильным и больше походил на влажный, лихорадочный поцелуй.

Сердце в груди Сун Чэна пустилось вскачь, готовое вот-вот пробить рёбра.

С трудом сглотнув, он вытащил из кармана телефон и зажёл фонарик.

Яркий луч выхватил из темноты лицо юноши: лихорадочный пунцовый румянец на щеках, полуприкрытые, затуманенные глаза и влажные губы, из-под которых вызывающе белели две острые, явно нечеловеческие капли клыков.

Ослеплённый светом парень недовольно поморщился и попытался отвернуться. Сун Чэн поспешно отвёл луч в сторону.

Дыхание Сун Чэна перехватило. Он сидел на постели, а Цзао Цинь устроился прямо у него на коленях, обхватив бёдрами его талию. Даже через одежду он остро ощущал податливую мягкость и жар чужого тела.

Без единого слова он поднёс окровавленное запястье к лицу юноши, добровольно предлагая себя в качестве жертвы.

Розовый кончик языка слизнул выступившую алую каплю, а в следующее мгновение Цзао Цинь припал губами к порезу.

Боль была пустяковой, почти неощутимой. Куда сильнее ранила иного рода лихорадка. Сун Чэн заворожённо смотрел, как этот прекрасный, похожий на пленительного демона юноша жадно пьёт его кровь, и понимал, что летит в бездну. Против воли он без памяти влюблялся в это чудовище.

Сун Чэн шумно сглотнул. Когда он мягко высвободил руку, нежные губы Цзао Циня окрасились в ярко-алый цвет. На бледной щеке тоже остался мазок тёплой, ещё не успевшей остыть крови.

В тот момент он окончательно лишился рассудка. Поддавшись безумному порыву, он припал к этим испачканным губам в долгом, исступлённом поцелуе. В темноте вкус его собственной крови смешался со сладостью чужого рта.

Сун Чэн бережно, но крепко удерживал его за затылок, прижимая к себе так неистово, словно пытался растворить его в собственной плоти, срастись с ним навсегда.

Решение, давно зревшее в его душе, окончательно оформилось. Он заберёт его. Чего бы это ни стоило, он увезёт Цзао Циня подальше отсюда.

<http://bllate.org/book/18271/1763097>